

Ф. Лист

Фредерик Шопен

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 78
ББК 85.31
Л63

Л63 **Лист Ф.**
Фредерик Шопен / Ф. Лист – М.: Книга по Требованию, 2021. – 280 с.

ISBN 978-5-458-10439-5

Фредерик Шопен. Сочинение Франца Листа. Перевод с французского с дополнениями П. Зиновьева, профессора Санкт-Петербургской консерватории.

ISBN 978-5-458-10439-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Настоящій переводъ біографіи Шопена Листа является впервые полностью на русскомъ языкѣ, если не считать нѣкоторыхъ, немногихъ извлеченій изъ этой книги Листа, коими воспользовался, но по первому ея изданію, г. Христіановичъ, въ своихъ письмахъ о Шопенѣ. Это литературное сочиненіе Франца Листа выходило въ «*France musicale*» 1851 года и затѣмъ уже появилось отдѣльнымъ изданіемъ въ Парижѣ, у Эскюдье въ 1852 г. Будучи проникнутъ съ моихъ юныхъ лѣтъ, когда еще «вѣрилось и плакалось,» чрезвычайнымъ уваженіемъ и чувствомъ обожанія композицій Шопена, я рѣшился перевести сочиненіе Листа тому назадъ лѣтъ девять; я начиналъ работу урывками лѣтомъ, когда мнѣ только позволяло вагант-ное отъ служебныхъ занятій время. Окончивъ такимъ образомъ около двухъ третей перевода, по первому изданію 1852 г., почти сдѣлавшемуся библіографическою рѣдкостью, я встрѣтился съ появленіемъ втораго изданія въ 1879 г. въ Лейпцигѣ, у Брейткопфа и Гертеля; тогда мнѣ пришлось все уже сдѣланное мною передѣлывать вновь, многое дополнять, вслѣдствіе чего переводъ мой затянулся. Наконецъ, уединившись въ про-

шедшее лѣто отъ всѣхъ препятствій по работѣ, я могъ, принявшись съ жаромъ, довершить и закончить мое заповѣдное желаніе....

Чувство, пробуждающееся послѣ прочтенія книги Листа, оригинально и захватывающе; очевидно, какъ, впрочемъ, и говорить самъ Листъ въ концѣ сочиненія, онъ написалъ *апологию* подъ свѣжими впечатлѣніями неизгладимой потери Шопена, будучи вдохновленнымъ высокимъ почитаніемъ личности великаго композитора и артиста, полнымъ дружбы и любви, раздѣляемой нѣкогда и Шопеномъ къ именитому артисту. Листъ писалъ, полный юношескаго увлеченія къ высокой личности Шопена, какъ патріота своей родины, поддаваясь взглядамъ Шопена и едва-ли даже не превосходя его въ степени поклоненія польской женщины. Слѣдствіемъ послѣдняго увлеченія у Листа являются преувеличенія въ изложеніи, которыя мнѣ пришлось выбросить изъ 3-ей главы перевода, по исполнѣ невозможнымъ цензурнымъ условіямъ. Такимъ образомъ, руководствуясь своей собственной цензурой, я долженъ былъ выкинуть около 11 страницъ изъ 3-ей главы и сдѣлать также весьма малое количество пропусковъ въ выраженіяхъ другихъ главъ, хотя какъ то, такъ и другое не относилось къ Шопену и, вообще, было весьма незначительно; я руководился единственно чувствомъ осторожности къ высокопривлекательной личности великаго виртуоза, любовь и уваженіе къ которому еще не остыли и не потерялись въ образованномъ, русскомъ обществѣ.

Стиль Листа, по временамъ, нѣсколько напыщенъ, изобилуетъ метафорами, антитезами, сравненіями, не рѣдко уклоняющимися отъ предмета, но всегда блестящими, полными ума, наблюдательности и эрудиціи многообразной. Читатели поймутъ, что я встрѣчался потому въ переводѣ съ нѣкоторыми,

иногда и большими литературными затрудненіями, а критика, надѣюсь, окажетъ мнѣ снисхожденіе, ибо я и самъ сознаю недостатки моего скромнаго труда...

Занимавшись, вообще, много Шопеномъ и много о немъ перечитавъ, я не могъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ добавленій въ выноскахъ подъ нумерами, въ которыхъ иногда бросается нѣсколько отличное отъ Листа освѣщеніе на событія, — иначе и быть не могло, ибо Каразовскій, г-жа d'Audley, въ сочиненіяхъ о Шопенѣ и современники его въ письмахъ смотрѣли другими, иногда и болѣе спокойными глазами на многое, случавшееся въ жизни Шопена, на отношенія къ нему, напр., Жоржъ Зандъ, на исторію ихъ разрыва, стойкую Шопену жизни и проч.

Несравненный и единственный композиторъ живетъ, несомнѣнно, какъ въ сердцахъ русскаго и польскаго образованнаго общества, такъ и вообще въ образованномъ мірѣ; музыкальное юношество много и усердно изучаетъ его творенія и я увѣренъ, что появленіе апологіи Листа на русскомъ языкѣ не будетъ лишнимъ, тѣмъ болѣе, что чтеніе сочиненія въ подлинникъ въ общемъ довольно трудно. Я полагаю, что наше учащееся музыкальное поколѣніе, прочитавъ сочиненіе Листа, проникнется грубочайшимъ уваженіемъ къ памяти Шопена и такой-же симпатіей къ пережитымъ имъ трогательнымъ, нравственнымъ страданіямъ; оно, благодаря великолѣпному изложенію Листа, изумится и стойкости этого необычайно выдержаннаго, замкнутаго въ себѣ характера... Я приложилъ въ концѣ перевода полный списокъ сочиненій Шопена. Мнѣ остается еще принести здѣсь мою живѣйшую благодарность В. Д. Спасовичу, обязательно сообщившему мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, въ главѣ о полонезѣ, касавшіяся польской исторіи, и просить снисхожденія къ моему труду, внушенному мнѣ езмѣрнымъ уваженіемъ къ памяти Шопена, благодарностью

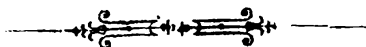
къ его генію за тѣ неизгладимыя и дивныя наслажденія эстетическія, испытанныя мною при прочтеніи и изученіи чудныхъ страницъ его композиціи и при слушаніи ихъ въ исполненіяхъ достойныхъ его артистовъ. 4

П. Зиновьевъ.

1 іюля, 1886 г.
Финляндія.

Р. S. Спустя девятнадцать дней послѣ окончанія этихъ строкъ, музыкальный міръ былъ сраженъ извѣстіемъ о кончинѣ геніальнаго автора этого сочиненія о Шопенѣ—не стало Листа, покинувшего свѣтъ на 76 году жизни, послѣ многолѣтней артистической и композиторской дѣятельности; искусство лишилось одного изъ послѣднихъ представителей эпохи музыкальнаго романтизма, остававшагося до конца своихъ дней блестящей звѣздой изъ лучезарнаго ореола именъ, давно уже отошедшихъ въ вѣчность. Миръ его свѣтлой души!.... Память о немъ сохранить исторія музыки!....

П. З.

I.

Веймаръ, 1850 г.

Шопенъ, дивный геній гармоніи! Какому сердцу не былъ онъ дорогъ, кто не испытывалъ волненія, изъ пмѣвшихъ счастье его знать, при одномъ только воспоминаніи объ этомъ дорогомъ для искусства существѣ? Но какъ не былъ онъ оплакиваемъ артистами и многочисленными друзьями, мы все-таки позволяемъ себѣ сомнѣваться, что настала уже моментъ, когда Шопенъ (для насъ потеря его особенно чувствительна), одѣненный въ справедливомъ достоинствѣ, занимаетъ во всемірномъ почитаніи то высокое положеніе, какое готовить и сохранить ему грядущее время.

Одинъ изъ избитыхъ афоризмовъ говоритъ, что никто въ своемъ отечествѣ не бывалъ пророкомъ; но не приходимъ-ли мы путемъ опыта къ тому, что люди будущаго, предчувствующіе и приближающіе въ своихъ твореніяхъ это будущее, въ дѣйствительности своими современниками не признаются за предвозвѣстниковъ?... По правдѣ сказать, можетъ-ли и быть иначе? Не останавливая вниманія на томъ, что разсудокъ долженъ-бы до нѣкоторой степени служить путеводителемъ опыта, мы смѣемъ однако утверждать, что всякій геній-новаторъ, всякій авторъ въ

области искусства, повидающій идеалы, типы и формы, которыми жили и очаровывались умы его времени, оскорбить своихъ современниковъ, когда вызоветъ новыя идеалы, создастъ новыя типы и формы неизвѣданныя. Только послѣдующее поколѣніе овладѣетъ его мыслью и пойметъ его чувства. Молодые артисты, окружающіе такого новатора и вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтателя, конечно, будутъ протестовать противъ ретроградовъ, неизмѣнное обыкновеніе которыхъ — похвалить живыхъ вмѣстѣ съ мертвыми — замѣчается въ музыкальномъ искусствѣ болѣе, нежели въ другихъ искусствахъ; но не рѣдко только одному времени предоставляется поднять красоты и достоинства новыхъ вдохновеній и формъ въ искусствѣ. Въ разнообразныхъ формахъ искусства, — гдѣ какъ-бы въ чародѣйствѣ, различныя проявленія предназначаются для вызова въ своемъ волшебномъ кругѣ чувствъ и страстей, желаемыхъ быть переданными артистомъ для ощущенія, глаза и слуха, чтобы затѣмъ сообщить волненію, — только *геній* обыкновенно характеризуется изобрѣтеніемъ *формъ новыхъ*, посвященныхъ не рѣдко впечатлѣніямъ и чувствамъ, въ этомъ заколдованномъ кругѣ еще никогда не появлявшимся. Какъ въ музыкѣ, такъ и въ архитектурѣ, впечатлѣніе связано съ возбужденіемъ, безъ посредничества мысли или разсужденія; также впрочемъ бываетъ и въ ораторскомъ краснорѣчїи, поэзїи, живописи, скульптурѣ, драматическомъ искусствѣ, требующихъ знанія и понятія ихъ сюжета, требующихъ, однако, чтобы смыслъ объялъ ихъ прежде, чѣмъ сердце будетъ тронуто. Какимъ-же образомъ введеніе формъ и способовъ непробованныхъ не можетъ не сдѣлаться въ искусствѣ препятствіемъ для немедленнаго пониманія извѣстнаго произведенія?...

Изумленіе и даже утомленіе, причиненныя странностями новыхъ впечатлѣній и новыми способами выражать мысли и чувства, усвоить красоты и тайнства, придаютъ большинству произведеній, сочиненныхъ при такихъ условіяхъ, свойства быть какъ бы написанными неизвѣстнымъ языкомъ, казущимся варварскимъ!...

Единственно трудъ достаточенъ для освобожденія себя во многомъ, чтобы приучить слухъ, отдать себѣ должный отчетъ въ соображеніяхъ, для которыхъ старинныя правила иначе приложены, употреблены, переформированы для соотвѣтствія тѣмъ надобностямъ, какія, при появленіи ихъ въ былое время, еще не практиковались. Эти то старинныя правила главнымъ образомъ противодѣйствуютъ изучать сознательно произведенія новыя, съ цѣлію хорошо усвоить послѣдними высказанное и то, что онѣ не могли высказать безъ измѣненій старыхъ привычекъ музыкальнаго языка, имѣя, конечно, въ виду оттолкнуть недостойное провинціальное нарѣчіе (patois), внесенное мастерами въ чистое и свѣтлое искусство. Это отвращеніе становится, въ умахъ совѣстливыхъ, сознательныхъ, полагавшихъ много стараній для изученія догматовъ, виѣ которыхъ «нѣсть спасенія», еще болѣе сильнымъ и повелительнымъ, когда геній-новаторъ вводитъ въ искусство, въ формахъ новыхъ, *чувства*, никогда еще не выражавшіяся. Тогда его обвиняютъ какъ въ незнаніи того, что дозволено высказывать въ искусствѣ, такъ и въ способахъ его выраженія. Музыканты не могутъ даже надѣяться, что *смерть* принесетъ ихъ трудамъ ту внезапную стоймость или повышеніе въ цѣнѣ, какое приноситъ смерть художникамъ; никто изъ музыкантовъ не могъ-бы возобновить для своихъ манускриптовъ увертку одного фламандскаго художника, поручившаго женѣ распространить

слухъ о своей кончинѣ для того, чтобы въ живыхъ эсплоатировать будущую славу и возвысить цѣну картинъ, украсившихъ его мастерскую. Условія школъ и въ искусствѣ пластики иногда могутъ заставить запоздать достойную оцѣнку извѣстныхъ мастеровъ при ихъ жизни. Кто не знаетъ, что горячіе поклонники Рафаэля гремѣли противъ Микель-Анджело, что единомышленники Корнелиуса посылали проклятія Каульбаху. Но эти схватыи приходятъ въ живописи чаще къ какому-нибудь разрѣшенію, ибо картины или статуи новатора остаются видимыми для всѣхъ; толпа, такимъ образомъ, приучаетъ свои глаза, а мыслитель и безпристрастный критикъ (если таковыхъ можно найти) должны совѣстливо, въ свою очередь, изучать и открывать *дѣйствительныя* достоинства новыхъ идей и формъ, еще не испробованныхъ.

Иначе дѣло происходитъ въ музыкѣ. Исключительные партизаны старинныхъ мастеровъ и ихъ стиля не позволяютъ умамъ независимымъ осваиваться съ произведеніями возникающей школы. Они стараются отвлечь отъ нихъ ознакомленіе публики. Если какое-нибудь произведеніе, написанное въ новомъ стилѣ исполняется публично, то эти партизаны, недовольные нападками въ располагаемыхъ ими органахъ печати, не рѣдко мѣшаютъ или затрудняютъ вторичное исполненіе. Они производятъ въ оркестрахъ, консерваторіяхъ, концертныхъ залахъ, возстановляя противъ автора, перестающаго быть подражателемъ, систему возбраненія, начинающуюся въ школахъ, гдѣ образуется вкусъ виртуозовъ и капельмейстеровъ и простирающуюся далѣе въ курсахъ, лекціяхъ, публичныхъ исполненіяхъ, гдѣ формируется уже вкусъ слушателей.

Художникъ и скульпторъ могутъ еще надѣяться мало помалу отвратить тѣхъ изъ своихъ добродушныхъ современ-

никовъ, которыхъ зависть, злоба и партійность не сдѣлали вполне недоступными къ какому-либо превращенію; они могутъ уже, болѣе распространенною общественностью своихъ произведеній, вліять и на простодушныхъ, также и на тѣхъ, которые стоятъ выше мелкихъ дрызгъ художниковъ. Музыкантъ-новаторъ обреченъ на ожиданіе слѣдующаго поколѣнія, чтобы быть выслушаннымъ; внѣ театра, имѣющаго свои особенныя условія, нормы и законы (ими мы здѣсь не занимаемся) новаторъ не можетъ надѣяться завоевать публику своего времени, то есть видѣть чувство, его вдохновившее, силу воли, его заставившую, мысль, его руководившую, совершенно понятными и ясно представленными, — гдѣ-бы его произведенія не исполнялись. Вообще ему надобно заранѣе со смѣлостью отказаться увидать справедливо оцѣненными и признанными достоинства и красоты формъ, въ которыя заключены его чувства и мысли, артистами, ему равными, ранѣе чѣмъ чрезъ четверть вѣка, — чтобы не сказать ранѣе смерти. Послѣдняя приноситъ для него иногда благопріятное измѣненіе въ приговорахъ; не оттого-ли, что смерть даетъ случай маленькимъ и сквернымъ страстишкамъ преслѣдовать и раздражать модныя репутаціи оставшихся въ живыхъ, противопоставя плоскимъ сочиненіямъ послѣднихъ — произведенія уже отшедшихъ отъ міра сего? Но и этому относительно уваженію еще далеко до того, чтобы зависть оказала пониманіе симпатичное и почтительное для генія или таланта внѣ сравненія.

Музыкальныя ретрограды можетъ быть, и менѣе виноваты, чѣмъ думаютъ о нихъ тѣ, усилія которыхъ они стараются ослабить, успѣху которыхъ они мѣшаютъ, и чью славу отлагаютъ. Не нужно-ли отдать отчетъ въ дѣйствительной трудности понять незнакомыя красоты

и оцѣнить достоинства, отвергаемыя столь упорно? Слухъ, несомнѣнно, чувство болѣе тонкое, болѣе нервное, чѣмъ зрѣніе; съ того момента, какъ слухъ перестаетъ служить исключительно простѣйшимъ жизненнымъ надобностямъ, онъ сообщаетъ черезъ музыку волненія мозгу, связанныя съ впечатлѣніями; приносить мысли, оформленныя различными звуковыми особенностями съ послѣдовательной мелодіей, ритмической группировкой и гармоніей; въ самомъ дѣлѣ, гораздо труднѣе привыкнуть къ новымъ такимъ формамъ, чѣмъ къ тѣмъ, которыя поражаютъ напр. взглядъ. Зрѣніе значительно скорѣй овладѣваетъ контурами монотонными или излишними, линіями угловатыми или отталкивающими, сочными красками или отсутствіемъ колорита, чтобы схватить суровое или страстное намѣреніе мастера и его манеры; слухъ же иногда можетъ и не освоиться съ появленіями диссонансовъ, кажущимися жесткими, съ модуляціями, смѣлость которыхъ причиняетъ головокруженіе. Впрочемъ, музыканты, не уклоняющіеся отъ принятой рутины, имѣютъ болѣе чѣмъ другіе артисты надобность въ помощи времени при оцѣнѣ, ибо искусство, связывающее ихъ съ тончайшими струнами человѣческаго сердца, заставляетъ ихъ же страдать, когда это искусство не очаровываетъ и не плѣняетъ.

Организмы юные и живые, менѣе окованные вліяніемъ привычекъ къ стариннымъ формамъ и къ чувствамъ, ими выраженнымъ, обыкновенно сначала изъ любопытства, потомъ уже по страсти приближаются къ новому нарѣчію, идеалу новой эпохи, къ народившимся типамъ слѣдующаго періода.

Благодаря усиліямъ этихъ молодыхъ энтузіастовъ, новый языкъ проникаетъ въ упрямые районы публики; благодаря имъ, публика оканчиваетъ тѣмъ, что схвати-